

Глава 10. Фарс

Когда Е Ишу вернулся, уже умытый, друзья Доумяо по просьбе старосты как раз заканчивали рассказывать о произошедшем.

— Староста, вы слышали? — тут же закричала вторая тётушка Чжу. — Разве не Доумяо первый ударил? Посмотрите на лицо моего Чжутуо! Что если у него останутся шрамы, и он не сможет найти себе жену? Кто за это заплатит?

Е Ишу, одетый в ярко-красное, вышел, сложив руки за спиной. Его вид был таким спокойным и безмятежным, что, если бы не палящее солнце, можно было бы подумать, что он вышел на прогулку.

— Я заплачу.

— Как заплатишь? Говори! — вторая тётушка Чжу, хоть и испугалась Е Ишу, но в присутствии старосты почувствовала себя увереннее. — Десять лянов серебра! Ваша семья должна мне десять лянов!

Е Ишу усмехнулся и, не удостоив её ответом, поманил к себе Доумяо. Мальчик неуверенно подошёл к брату. Е Ишу взял его за руку и незаметно осмотрел. Когда он нажал на один из синяков, Доумяо поморщился и тихо охнул. Взгляд Е Ишу похолодел.

— Доумяо, что он тебе сказал?

Староста тоже посмотрел на мальчика.

— Да, что он сказал?

Жители деревни знали Доумяо как смышленного мальчика, который часто помогал отцу в поле. А вот сына второй невестки Чжу не любил никто — он целыми днями безобразничал. Люди всегда на стороне тех, кто им симпатичнее, и теперь, услышав вопрос Е Ишу, все поняли: скорее всего, Чжутуо что-то сказал.

Но Доумяо, как ни просили, молчал.

— Чего боишься? — Е Ишу положил руку на голову мальчика и взъерошил ему волосы. — Брат здесь, говори.

Маленькое личико Доумяо напряглось, глаза покраснели. Упрямый мальчишка закусил губу добела, но не произнёс ни слова.

Вторая невестка Чжу посмотрела на своего сына. Тот отводил глаза, и она, зная характер своего отпрыска, запаниковала. Нельзя дать этому щенку заговорить.

— Что там говорить! — закричала она. — Сейчас навьдумывает с три короба, кто проверит, правда это или ложь! Платите деньги! Если сегодня не заплатите, я пойду с сыном в уездное управление, в суд на вас подам!

— Вздор! — рассердился староста, дёрнув усом. Из-за такого пустяка идти в суд? Что тогда подумает уездный судья о нём, старосте? Что он зря свой хлеб ест?

— Доумяо, говори, что он тебе сказал? Иначе, боюсь, твоему брату придётся заплатить эти десять лянов...

— Он сказал, что у моего брата есть мужчины, что он... распутный... он оскорбил моего старшего брата! — тело Доумяо дрожало от гнева, в глазах стояли слёзы. Он твёрдо решил молчать, но, испугавшись, что брату придётся платить, не выдержал и выпалил всё. Эти слова дались ему с трудом, будто перерезали горло. Он впился взглядом в Чжу Цзиня, словно собирался его съесть.

Чжу Цзинь испуганно взвизгнул и спрятался за мать.

Селяне, услышав это, нахмурились.

— В таком возрасте, где он таких слов набрался?

— Как эта вторая невестка Чжу воспитывает детей... Если он сейчас такой, что же будет дальше?

— Кто! Кто оскорбил моего братца Шу! — Снаружи послышался голос Е Чжэнкуня. Он возвращался с поля с вязанкой соломы и, услышав последние слова, в ярости бросил солому на землю, выхватил бамбуковую палку и бросился вперёд.

Толпа расступилась, и Е Чжэнкунь ворвался во двор. Е Ишу, видя жалкий вид своего младшего брата, не знал, смеяться ему или жалеть. Он обнял его за голову, похлопал по плечу и подтолкнул к отцу.

— Отец, всё в порядке. — Затем он повернулся к старосте: — Староста, теперь всё ясно?

— Что ясно! То, что твой Доумяо избил моего сына — это факт! — не унималась вторая невестка Чжу, и жир на её лице затрясся.

— Факт, говоришь... — Е Ишу схватил Доумяо за рубашку и задрал её. Толпа ахнула, увидев

синяки на теле мальчика.

— Как же сильно нужно было бить...

— А Доумяо-то, молчал, терпел...

— Вторая невестка Чжу, что теперь скажешь? — Староста, увидев, что на теле Доумяо живого места нет, помрачнел. Как-никак, Доумяо — тоже из их семьи Е! Его лицо посуровело, вид стал грозным.

«Плохо дело», — подумала вторая невестка Чжу. Она схватила сына за руку.

— Я... я... — пролепетала она. — Мы уходим!

— Подождите, — остановил её Е Ишу, опустив рубашку брата. Его губы изогнулись в улыбке, но глаза оставались холодными. — Мы ещё не всё решили.

— Ч-что? — Вторая невестка Чжу попыталась протиснуться сквозь толпу, но люди стояли плотной стеной. Ей пришлось обернуться и неуверенно спросить. Видя, что Е Ишу настроен решительно, она в панике прижала к себе сына, опасаясь, что тот в любой момент может сойти с ума и броситься на них с ножом. Она искала в толпе своих взрослых сыновей, но их нигде не было видно.

— Твой сын оскорбил меня... — начал Е Ишу.

— Но твой брат избил его! — в панике перебила его вторая невестка Чжу.

— Я вот о чём думаю, — покачал головой Е Ишу, — откуда ребёнок мог узнать такие слова? Если только его взрослые не научили... — Он медленно подходил всё ближе, не сводя глаз с мальчика, которого обнимала мать.

Староста, видя это, подумал: «Не дай бог, этот братец Шу до смерти его напугает...»

— У-а-а-а!!! — Чжу Цзинь, который с детства был наслышан о проделках Е Ишу и которого мать пугала им, когда он не слушался, затрясся и зарыдал, обмочив штаны. — Это не я сказал! Не я! Это мама... у-у-у... это мама сказала! — В конце концов, он был всего лишь ребёнком и от страха выложил всё как на духу.

Е Ишу остановился и брезгливо отступил. Когда он снова поднял глаза, вторая невестка Чжу стояла бледная как полотно. Она шлёпнула сына по спине. Детский плач смешался с запахом мочи, наполнив двор семьи Е смрадом.

Ши Пулю и Е Чжэнкунь, услышав, как оклеветали их сына, не выдержали. Даже у глиняного Будды есть доля гнева.

— Чем наш А-Шу тебе не угодил? Он ещё неженатый гээр, как ты можешь так порочить его честь! — Ши Пулю расплакалась.

Е Чжэнкунь, тяжело дыша от гнева, схватил бамбуковую палку и замахнулся.

— Я... я... я убью тебя, сплетница!

— Е Чжэнкунь! Посмей тронуть мою мать! — Несколько братьев Чжу наконец протиснулись сквозь толпу и встали перед своей матерью.

Е Ишу перехватил руку отца ещё до того, как тот успел нанести удар. Селяне ахнули, отступая, чтобы не попасть под горячую руку. Но те, кто стоял ближе, ясно видели, как Е Ишу легко, одним движением остановил руку взрослого мужчины. На лице Е Чжэнкуня вздулись вены — было видно, каких усилий ему это стоило. А Е Ишу, остановив его, даже улыбался. Все в ужасе подумали, что только сумасшедший свяжется с этим братцем Шу.

В момент, когда палка со свистом рассекла воздух, вторая невестка Чжу в панике закричала:

— Это не я! Это жена четвёртого Е сказала! Это она у реки, когда мы стирали, говорила, что братец Шу дома не сидит, по горам шляется, старших не уважает... Всё-всё она сказала!

— Госпожа Тан знает, фулан семьи Чжоу тоже был там, спросите их, это всё Цзинь Лань сказала!

Взгляд Е Ишу сверкнул. Так это его младшая тётушка...

В доме Цзинь Лань, подслушивавшая у двери, услышав это, похолодела. Нельзя, чтобы вся вина легла на неё, иначе эта мегера совсем взбесится. Она быстро открыла дверь.

— Вторая невестка Чжу, нечего на меня свою вину сваливать! Когда это я говорила, что у гээр несколько мужчин, когда я называла его распутником?!

— Это ты, ты, Цзинь Лань, сказала! — кричала вторая невестка Чжу.

— Я лишь беспокоилась о братце Шу! — перекричала её Цзинь Лань. — Спроси у фулана Чжоу и Госпожи Тан, говорила я такое?

Обе свидетельницы, к несчастью, были тут же. Госпожа Тан нахмурилась.

— Цзинь Лань только беспокоилась о братце Шу, ничего такого она не говорила.

Фулан семьи Чжоу чувствовал, что что-то не так, но, увидев, что все смотрят на него, растерялся и, не успев подумать, пробормотал:

— Д-да, ничего такого. Только печалилась, беспокоилась о братце Шу...

Теперь все обвинения были направлены на вторую тётушку Чжу. Она, видя, что Цзинь Лань стоит в стороне, как ни в чём не бывало, наконец всё поняла.

— Это ты! Ты меня подставила! — затряслась она от ярости, её глаза выкатились, как у быка. — Если ты так беспокоилась о братце Шу, почему сейчас не помогла? Ты специально наговорила мне гадостей, чтобы я за тебя грязную работу сделала!

Все тут же посмотрели на Цзинь Лань другими глазами. Фулан Чжоу тоже наконец понял, что его смущало. Ну да, кто же из благих побуждений станет распускать такие слухи о члене своей семьи! Даже госпожа Тан, хотевшая было заступиться, замолчала, вдруг осознав, что Цзинь Лань, возможно, не так уж и хороша, как ей казалось.

Цзинь Лань не ожидала, что её план очернить Е Ишу обернётся таким образом. Она осталась совсем одна. Старики Е заперлись в доме, её мужа не было, а Е Ишу смотрел на неё с угрозой. В отчаянии она бросилась на вторую тётушку Чжу.

— Ах ты, сплетница, вот я тебе сейчас язык вырву!

— Ах так! Я ещё с тобой не рассчиталась! Если бы не ты, я бы ничего не наговорила, и мой сын ничего бы не услышал! Ты, змея подколотная!

Женщины вцепились друг в друга, таская за волосы и раздавая пощёчины.

Е Ишу притащил скамейку, усадил на неё старосту.

— Двоюродный дедушка, присядьте, отдохните. Замучились, небось, в последние дни с налогами.

— И не говори, — вздохнул старик, потирая ноги, — совсем сна лишился.

В деревне Сялинь большинство жителей были из клана Е, и староста, хоть и приходился семье Е Ишу дальней роднёй, но всё же был своим. Все в деревне с фамилией Е были потомками одного предка. Власть клана в деревне была превыше всего.

Е Ишу не собирался решать этот мелкий конфликт с помощью клана, но дать старику отдохнуть и посмотреть представление, чтобы тот с новыми силами взялся за работу, было неплохой идеей. А то опять, как в прошлый раз, от усталости свалится в реку. Если бы он тогда случайно не проходил мимо и не вытащил его, старика бы уже не было.

Что до родителей, Е Ишу подтолкнул к ним Доумяо.

— Отец, мама, я здесь справлюсь. Идите лучше домой, осмотрите Доумяо, смажьте ему синяки.

Ши Пулю, всё ещё не оправившаяся от того, что её сына так оклеветали, пришла в себя. Она со слезами на глазах посмотрела на Е Ишу.

— Мама, — вздохнул тот, — слухов много, не умирать же мне из-за каждого слова. Я в порядке, посмотрите лучше на брата, как ему больно.

Услышав это, родители забеспокоились и, схватив Доумяо, поспешили в дом.

— Спасибо вам за помощь, — помахал Доумяо своим друзьям. — Идите домой, я после обеда приду к вам играть.

— Хорошо, мы будем ждать тебя, — глупо улыбаясь, кивнули те.

В мире детей всё было просто. Сегодня они вместе одолели задиру, которого раньше боялись даже задеть. Теперь они — самая сильная команда в деревне. Они с восхищением смотрели на Е Ишу. Брат Доумяо такой сильный! И красивый! Особенно два маленьких гээр, они подошли к Е Ишу и смотрели на него снизу вверх, как на золотой слиток.

Е Ишу усмехнулся. Их детская наивность смягчила его сердце. Он погладил их по головам.

— Не смотрите так, идите домой. Спасибо вам за сегодня.

— Не за что, Доумяо-гэгэ!

Дети разошлись по домам. В центре круга, образованного толпой, Цзинь Лань и вторая невестка Чжу продолжали свою яростную схватку. У второй невестки Чжу была поддержка в лице её семьи, а Цзинь Лань была одна. Старики Е спрятались, мужа не было. В итоге Цзинь Лань была изрядно потрёпана. Когда наконец подросли её родственники, староста, тяжело вздохнув, встал.

«Надоело, — подумал он, — целыми днями одни бабские склоки! Будто других дел нет!»

— Кхм-кхм! — кашлянул он, и когда женщин наконец разняли, сказал: — Сегодняшнее дело... все вы, уважаемые селяне, знаете, с чего началось. Вина лежит на жене четвёртого Е, но и вторая невестка Чжу тоже хороша. Скоро начнётся сбор налогов, а вы, вместо того чтобы готовиться, языками чешете! Вы обе оклеветали неженатого гээр, дурно повлияли на детей. Посему я наказываю вас двадцатью ударами линейкой каждую и двумя часами стояния на коленях в зале предков для покаяния. Есть возражения?

В деревне, где сто дворов составляли одну «ли», был староста, назначаемый уездным управлением. Он отвечал за регистрацию жителей, надзор за сельским хозяйством, сбор налогов и повинностей. Его слово было законом, и никто не смел ему возразить.

Тут же двое мужчин из зала предков увели обеих женщин. Их высекли на глазах у всей деревни и поставили на колени. Это событие стало главной темой для разговоров в деревне на долгое время.

<http://bllate.org/book/13660/1582534>